

А. В. Сухово-Кобылин

(К пятидесятилетию со дня смерти)

Пятьдесят лет тому назад — 24 марта 1903 г. — умер талантливый русский драматург Александр Васильевич Сухово-Кобылин. В историю русского театра и литературы он вошел своей драматической трилогией — «Свадьба Кречинского», «Дело», «Смерть Тарелкина», которая по праву стоит рядом с выдающимися произведениями классиков нашей драматургии.

А. М. Горький ставил образы Сухово-Кобылина в один ряд с героями Грибоедова и Гоголя. Творчество Сухово-Кобылина глубоко национально, высоко патриотично и тесно связано с передовыми идеями XIX века. Приминая к так называемому «гоголевскому направлению» и развивая метод критического реализма, трилогия Сухово-Кобылина отражает определенный период развития русской жизни. Она является живым памятником русской действительности кануна реформы 1861 года и первых пореформенных лет.

До революции громкую известность получила только первая часть трилогии — «Свадьба Кречинского», так как «Дело» и «Смерть Тарелкина» вследствие своей сатирической направленности были цензурой запрещены и на сцене почти не появлялись. Только после революции трилогия смогла войти полностью в репертуар советского театра и пользуется заслуженным успехом.

А. В. Сухово-Кобылин родился в 1817 году в дворянской семье. Он получил разностороннее домашнее образование, а затем окончил физико-математическое отделение философского факультета Московского университета.

Еще в начале 1852 года Сухово-Кобылин начал работать над своей первой пьесой «Свадьба Кречинского». Окончательно она была завершена автором в

1854 году. Пьеса была поставлена 28 ноября 1855 года на сцене Московского Малого театра. В 1862 году Сухово-Кобылин написал пьесу «Дело» и в 1868 году — «Смерть Тарелкина», но к постановке они были запрещены цензурой. Не имея возможности творить для сцены, Сухово-Кобылин прекращает на этом свою литературную деятельность. В то же время он в течение всей своей жизни борется за судьбу своих произведений. «Каждая из моих пьес, — писал он, — есть процесс, который я должен выиграть против цензуры и прессы всякими принудительными подходами».

Но борьба была слишком неравной. «Какая волокита: — писал драматург уже незадолго до смерти, — прожить семьдесят пять лет на свете и не успеть провести трех пьес на сцену! Какой ужас: надеть пожизненный намордник на человека, которому дана способность говорить!».

В своей трилогии Сухово-Кобылин выступил с резким разоблачением современной ему действительности. Уже в «Свадьбе Кречинского» он дает изображение морального вырождения дворянства и экономического разложения патриархально-помещичьего уклада. Писатель не пытал никаких иллюзий относительно своего класса, начиная с высшей титулованной знати и кончая мелкопоместным дворянством. Он видит лишь... «творчество, разоренное, обносившееся и гнилое». Это-то дворянство и выводит в первую очередь Сухово-Кобылин в своей комедии в лице Кречинского, Расплюева, промотавшихся дворян, вставших на путь мошенничества и преступлений.

В Кречинском с огромной обобщающей силой даны отрицательные черты тогдашней дворянской среды: беспорядочно проведенная жизнь человека, существование которого было обеспечено трудом кре-

постных, университетское образование, не нашедшее себе применения, способности даровитой природы, погибшие втуне, и постепенное падение.

Еще более ярко очерчен драматургом Расплюев. Это бывший мелкий помещик, разорившийся и живущий шулерством и другими темными операциями. Он готов совершить любую подлость, даже преступление, в особенности, если уверен, что это пройдет ему безнаказанно. Никаких моральных критериев для него не существует, и единственно, что его страшит — это физическое ущемление, так как для него «рыло есть вещь первая». Неоднократно избиваемый, постоянно голодающий, он, тем не менее, упорно ищет теплое местечко в жизни. Крайне трусливый, он готов на любую мерзость и предательство, лишь бы выгородить себя. Расплюев является послушным орудием выполнения чужой воли. Обладая способностью «не рассуждать», он готов сегодня помочь Кречинскому похитить бриллиант, завтра — заморить до смерти Тарелкина, чтобы угодить начальству. Свою карьеру шулера и лжесвидетеля Расплюев завершает на попрание полицейского чиновника. «Давно ли... сам я свету божьего бежал... — а теперь меня дрожат будут... Все наше! Всю Россию потребуем!» Превращение проходимца Расплюева в фигуру, олицетворяющую полицейский произвол, было смелым сатирическим приемом разоблачения гнилости современного режима.

Если в первой части трилогии показывалось падение дворянства, его классовое расслоение, то во второй части эта тема значительно углублялась. Сухово-Кобылин показывает, как с ростом капиталистических отношений рушится патриархально-помещичий строй, гибнут и теряют свое значение его представители. Главенствующую роль в стране начинают играть чиновничество и буржуазия.

Автор вскрывает систему чиновничьей бюрократии. Во главе ее стоит «весьма важное лицо», которого современная советская сцена не без основания трактует как самого Николая Первого. Резкой критике подвергает автор судопроизводство. Все вершат здесь «силы» — чиновники, для которых каждое поступающее к ним дело является лишь средством шантажа и вымогательства. К ним поступает «дело Муромского», прямодушного, доброго и смелого человека, в прошлом армейского капитана, участника войны 1812 года. Загорелый взяточник Варравин вымогает у Муромского многотысячную сумму, обманывая не только его, но и своего помощника Тарелкина, которого автор характеризует как «особого рода гадюку, которая только в петербургском болоте и водится».

Сухово-Кобылин показывает, что жажда обогащения, погоня за наживой становятся основным стимулом, определяющим отношения в буржуазно-капиталистическом обществе. Кречинский пытается овладеть богатым приданым. Грязными шулерскими проделками занят Расплюев.

В «Смерти Тарелкина» Сухово-Кобылин дал в остро гротескной форме изображение произвола полицейско-бюрократического режима в стране. Вся Россия кажется драматургу полицейским застенком, где представители всех сословий, начиная с помещика Чванкина и кончая дворником Нахомувым, подвергаются допросу и гнусным издевательствам со стороны бывшего шулера и предателя, а теперь квартального надзирателя Расплюева.

Сухово-Кобылина глубоко волновали судьбы его великой родины. «Богом, правдой и властью оставленная Россия — куда идешь ты в союзу твоих воров, грабителей, негодяев, скотов и бездельников», — писал он в своем дневнике. Эта любовь к родине, сочетаясь с ненавистью к «гнилой действительности», и помогла писателю создать свои произведения, которые тогдашний министр внутренних дел Валуев охарактеризовал как «сплошную революцию».

Вся трилогия Сухово-Кобылина отличается художественным совершенством образов и увлекательностью сценического действия. Великолепен язык трилогии, отличающийся предельной выразительностью. Ряд афористических выражений героев произведений драматурга вошел в обиходную речь.

Творчество Сухово-Кобылина глубоко обличительно. Резким и суровым пером сатирика он изображал отрицательные явления царской действительности. Гоголевский «смех сквозь слезы», гневный пафос Салтыкова-Щедрина слышатся в произведениях замечательного русского драматурга.

В свою очередь творчество Сухово-Кобылина оказало известное влияние на последующую литературу. Образы Кречинского и, особенно, Расплюева были использованы и развиты Салтыковым-Щедриным. Буффонада и сатирический гротеск трилогии Сухово-Кобылина нашли известное преломление и в драматургии Маяковского.

До революции творчество Сухово-Кобылина было почти неизвестно широким массам. Его сочинения не пропускались цензурой, само имя было в забвении. Сухово-Кобылин глубоко любил свою родину и страдал от сознания своего вынужденного бессилия. Свое творчество он посвятил России, мечтая принести ей, как он писал, «славу, а может быть и уроч».

В последние годы жизни Сухово-Кобылина поддерживала надежда, что его «труды не пропадут бесследно в литературе его родины». Надежда драматурга осуществлялась в нашей советской действительности: его имя еще долго будет жить как в литературе, так и на сцене советского театра.

Н. ВОЛКОВА,
кандидат филологических наук,
преподаватель Владивостокского
педагогического института.

24 MAR. 1955

Красное Знамя-Владивосток